

ХРОНИКИ БРАКОВАННОГО КОРОЛЕВСТВА

✦ КНИГА ПЕРВАЯ ✦

БРАК

Глория Голд

**Хроники бракованного
королевства. Книга первая. Брак**

«Автор»

2026

Голд Г.

Хроники бракованного королевства. Книга первая. Брак /
Г. Голд — «Автор», 2026

Принц Рональд III – обаятельный раздолбай, гроза драконов (драконы были не в курсе) и обладатель сорока трёх камзолов. Его главный талант – падать с коней и создавать проблемы. Но однажды, в пятницу 13-го, всё идёт совсем не по плану: он оскорбляет ведьму, получает проклятие, удар по голове и теряет память. А просыпается в степи, где дикое племя объявляет его своим новым вождём. Теперь у него нет сапог, прошлого и выбора – только жаба на лбу (лечебная), суровый воин с украденными трофеями и пророчество, которое, кажется, сбывается. А где-то далеко принцесса Анна, помешанная на тактике и метательных ножах, ищет пропавшего принца. Не ради любви, а из стратегического расчёта. Но когда хаос встречается с планом, случается всякое, например, любовь. Ироничное фэнтези о том, как потерять память, найти себя и случайно стать королём.

© Голд Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Г	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глория Голд

Хроники бракованного королевства. Книга первая. Брак

Глава 1

Пролог

В котором у судьбы случается кризис самоопределения

Судьба, вопреки распространенному заблуждению, вовсе не плела изящное кружево мироздания. Она сидела в прокуренной комнатухе над лавкой «Зелья & Проклятия», пила пятую за вечер чашку облепихового чая и таращилась в магический шар, где вместо великих предначертаний маячило: «Ошибка соединения. Проверьте линию судьбы».

– Чтоб тебя, – пробормотала Судьба и со всей дури треснула кулаком по шару.

Шар обиженно замерцал и выдал картинку: молодой человек в нелепом камзоле с золотым шитьём оскорблял ведьму на рынке.

– Ну вот, – Судьба отхлебнула чай. – Опять Рональд и почему всякая гадость случается именно в мой рабочий день?

Где-то внизу хлопнула дверь. Судьба поморщилась, пришёл клиент.

Морриган, потомственная ведунья четвертого разряда, лицензия номер 731-В, специализация «Проклятия, сглазы, порчи и мелкий бытовой полтергейст», сегодня была не в духе.

Вообще-то она почти всегда была не в духе. Клиенты, знаете ли, не способствуют душевному равновесию. За тридцать лет практики она выслушала столько глупостей, что их хватило бы на небольшую библиотеку. «Приворожите мужа обратно», когда муж уже три года как жил с трактирщицей и был совершенно счастлив, «накажите соперницу», которая, как выяснялось, даже не знала о существовании клиентки, «сделайте меня королевой» – от прачки, которая даже читать не умела. И каждый раз, каждый божий раз, они торговались.

– Пять золотых за приворотное зелье? – возмущался очередной романтически озабоченный юноша. – Да я за эти деньги могу купить... могу...

– Можете купить козу, – невозмутимо отвечала Морриган. – И попытаться её приворожить. Козы, кстати, куда покладистее вашей избранницы.

Но сегодняшний день должен был стать исключением. Морриган проснулась с твердым намерением: никаких скидок, никаких «в долг до следующей зарплаты», никаких «а давайте я вместо оплаты расскажу вам стишок». Она даже новую табличку над прилавком повесила: «ЦЕНЫ ФИКСИРОВАНЫ. ТОРГ НЕУМЕСТЕН. ПРОКЛИНАЮ ЗА ДЕРЗОСТЬ БЕСПЛАТНО».

И тут явился он.

Колокольчик над дверью тренькнул, и в лавку всплыло облако самодовольства, упакованное в малиновый камзол с золотыми пуговицами. Пуговиц было, насколько Морриган успела сосчитать, сорок три штуки. Сорок три! На одном камзоле. Это было даже не модно – это был вооруженный захват чужих глаз.

– Здравствуйте, уважаемая, – произнесло облако голосом, который явно привык, что ему внимают с благоговением. – Я ишу... э-э-э...

Молодой человек оглядел лавку с таким видом, словно его затащили в свинарник и требовали восхищаться декором. Связки сушёных трав под потолком он удостоил гримасы «что за гадость». Банки с заспиртованными органами неопознанных существ – гримасы «меня сейчас стошнит, но я слишком аристократ, чтобы это показать». Саму Морриган – «боже, какая страшная старуха, надеюсь, это не заразно».

Морриган, которой только вчера исполнилось девяносто четыре и которая выглядела на все сто (специально, между прочим, – уважающая себя ведьма обязана соответствовать образу), мысленно поставила галочку в графе «придурок». Она еще не знала, что к концу дня таких галочек наберется на полноценный портрет.

– Я ищу, – повторил придурок, – любовное зелье.

Морриган отложила трубку, которую набивала какой-то подозрительной травой (на самом деле просто чабрецом, но клиенту об этом знать не обязательно), и уставилась на посетителя поверх очков.

– Приворотное, – поправила она автоматически. – «Любовное зелье» – это для дилетантов. Настоящий профессионал говорит «приворотное», «амурный эликсир» или «настойка номер семь, будь она неладна, опять перестояла».

– Пусть будет приворотное, – отмахнулся молодой человек. – Мне нужен... как бы выразиться... самый сильный вариант, чтобы наверняка. Чтобы она посмотрела на меня и сразу... ну, вы понимаете.

Морриган понимала. О, она прекрасно понимала. За тридцать лет она продала двести тридцать четыре тысяч приворотных зелья, и двести тридцать четыре тысяч раз к ней возвращались с жалобами: «Оно не работает, он/она все равно меня не любит». На вопрос «А вы сами-то что-нибудь сделали, кроме того что подлили зелье в суп?» клиенты обиженно моргали и требовали возврата денег.

– Самый сильный вариант, – задумчиво протянула Морриган. – Это «Амурный Абсолют». Гарантирует влюблённость с первого взгляда на первого встречного после приёма. Действует мгновенно, побочные эффекты – легкое головокружение, поэтическое настроение и желание совершать подвиги. Противопоказания – отсутствие мозгов, но вам, я вижу, это не грозит.

Последнюю фразу она произнесла с абсолютно каменным лицом. Клиент, разумеется, сарказма не уловил. Такие клиенты вообще редко улавливают сарказм, потому что сарказм – это когда слова означают не совсем то, что ты думаешь, а думать они не привыкли.

– Беру! – воскликнул он с энтузиазмом человека, который только что решил все свои проблемы одной покупкой. – Сколько?

– Двадцать золотых.

Энтузиазм сразу сдулся.

– Двадцать?! – возмутился клиент. – Да за эти деньги я могу... могу...

– Купить козу, – подсказала Морриган. – Двух коз и устроить им свидание. Уверяю вас, это будет более романтично, чем то, что вы задумали.

Клиент побагровел и это было заметно даже сквозь слой пудры, которой он, видимо, пытался замаскировать прыщи. Прыщи, впрочем, мужественно сопротивлялись и были видны даже с другого конца прилавка.

– Вы знаете, кто я?! – взвился он тем особенным тоном, каким говорят люди, уверенные, что их узнавание – великая честь для собеседника.

– Понятия не имею, – честно ответила Морриган. – Но судя по количеству золотых пуговиц, вы либо наследный принц, либо ограбили наследного принца. В любом случае двадцать золотых для вас – мелочь.

– Я принц Рональд Третий! – объявил он, явно ожидая фанфар. Фанфар не последовало, только банка с заспиртованной саламандрой булькнула, что можно было интерпретировать и как «ура», и как «какой ужас». – И я не позволю какой-то... какой-то... рыночной колдунье...

– Лицензированной ведунье, – поправила Морриган ледяным тоном. – Четвертого разряда, с тридцатилетним стажем, двумя благодарностями от гильдии магов и одной жалобой от городского совета за несанкционированное вызывание дождя, но это было в прошлом году и я выиграла апелляцию.

– ...рыночной ведунье, – не сдавался Рональд, – называть меня... э-э-э...

– Придурком? – услужливо подсказала Морриган. – Я вас так ещё не называла, но уже подумываю.

В этот момент в лавку заглянула та самая Судьба, которая как раз допила чай и решила, что пора немного поработать. Она просочилась сквозь стену (потому что двери – для смертных), оглядела сцену и хмыкнула:

– О, это будет весело.

Никто, разумеется, её не услышал. Судьба вообще редко утруждает себя тем, чтобы быть услышанной. Она предпочитает действовать тихо, исподтишка, и потом с невинным видом говорить: «А что? Я думала, вы любите сюрпризы».

– Двадцать золотых, – повторила Морриган тоном, не допускающим возражений. – Или до свидания. У меня еще куча заказов: кому-то бородавку свести, кому-то мужа проучить, кому-то корову расколдовать. Кстати, корова – это отдельная история, её проклинали еще при прошлом короле, и с тех пор она разговаривает исключительно цитатами из свода законов, очень умная корова. Наверное, умнее некоторых принцев.

Рональд, чье чувство собственного величия было оскорблено до глубины души (а глубина эта была, прямо скажем, не Марианская впадина), сделал то, что делают все оскорбленные аристократы: он решил хлопнуть дверью. Но сначала – сказать что-нибудь обидное.

– Знаете, – процедил он, наклоняясь через прилавок (и чуть не опрокинув банку с саламандрой, за что саламандра мысленно проклала его до седьмого колена), – я слышал, что все ведьмы – это просто неудачницы, которые не смогли найти себе нормального мужа и глядя на вас, я начинаю в это верить.

Повисла пауза... даже Судьба, которая вообще-то существо бессмертное и повидавшее всякое, слегка опешила.

– Вы, – сказала она, – только что назвали столетнюю ведьму с четвертым разрядом неудачницей? В лицо? В её собственной лавке? – Она покачала головой. – Знаете, я много работаю с идиотами, это, по сути, моя профессия. Но иногда даже я удивляюсь.

Морриган очень медленно выпрямилась. Где-то на заднем плане булькнула саламандра – на этот раз совершенно точно «какой ужас».

– Двадцать пять золотых, – произнесла Морриган голосом, которым обычно объявляют приговоры. – За оскорбление.

– Что?! – Рональд, кажется, только сейчас начал осознавать, что, возможно, погорячился, но отступать было не в его правилах. Точнее, в его правилах было никогда не признавать своих ошибок, даже когда ошибка вопила о себе во весь голос и размахивала флагом «ЭЙ, Я ОШИБКА».

– Тридцать, – продолжала Морриган. – За то, что вы назвали меня неудачницей. Итого тридцать золотых за приворотное зелье.

– Да пошла ты! – выпалил наследный принц Альбионики и, развернувшись на каблуках (один каблук предательски хрустнул), вылетел из лавки.

Колокольчик жалобно тренькнул ему вслед.

В лавке воцарилась тишина. Морриган стояла, глядя на закрытую дверь, и её глаза – обычно тускло-серые – начали медленно наливаться опасным зеленоватым свечением.

Судьба, наблюдавшая за всем этим из угла, потёрла руки:

– Ну наконец-то, а то я уж думала, сегодня будет скучно.

Морриган подошла к стеллажу, где хранились особые ингредиенты – те, что не продавались обычным клиентам. Пальцы пробежались по склянкам: пыльца кошмара, слезы василиска, смех гиены, обещание политика...

– Значит так, принц Рональд Третий, – пробормотала она, смешивая в ступке что-то подозрительно мерцающее. – Вы хотели любви с первого взгляда? Вы её получите. Таковую, что мало не покажется. Вы будете влюблены так сильно, страстно и бесповоротно, что ваша королевская задница будет писать сонеты в рифму. А когда вы поймете, что натворили, – она зловеще усмехнулась, – будет уже поздно.

Судьба одобрительно кивнула и сделала пометку в блокноте: «Начало положено. Продолжение следует. P.S. Купить еще облепихового чая».

– Только одна маленькая поправка, – пробормотала она, заглядывая в магический шар, где уже начали проступать смутные очертания грядущих событий. – В формулу проклятия нужно добавить... скажем так... небольшой элемент неожиданности. А то стандартное «влюбиться в первую встречную» – это так банально. Где размах? Где драматургия? Где, в конце концов, веселье?

Она щелкнула пальцами, и в ступке Морриган что-то едва заметно изменилось. Ведьма нахмурилась, посмотрела на смесь, но ничего не заметила – вмешательство Судьбы вообще трудно заметить, пока не станет слишком поздно.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно сказала Судьба. – Немного амнезии, немного похищения, немного «кто я и что здесь делаю». Классика, люблю такое.

Где-то на другом конце города, в королевском дворце, принц Рональд Третий, еще не подозревающий о том, что его жизнь только что разделилась на «до» и «после», примерял перед зеркалом новый камзол – на этот раз с пятьюдесятью семью пуговицами. Он готовился к завтрашнему турниру, где планировал сразиться всех своей красотой и мастерством.

И особенно – прекрасную незнакомку, которую он заметил вчера на балконе восточной башни. Она смотрела вдаль так задумчиво, так отрешенно... (на самом деле она изучала чертеж новой катапульты, но Рональд, разумеется, об этом не догадывался).

– Завтра, – сказал он своему отражению, – завтра ты станешь моей. Я выиграю турнир, и ты согласишься на меня так, как ещё никто не смотрел. А если не согласишься... – он хитро улыбнулся, – у меня есть запасной план.

Запасной план лежал в ящике туалетного столика: маленький пузырёк с мутной жидкостью, купленный у какой-то сомнительной старухи на окраине рынка. «Гарантирует влюбленность с первого взгляда», – значилось на этикетке. Цена – десять золотых. Старуха клялась, что зелье самое сильное.

Только вот старуха была не Морриган и зелье было не приворотное. Об этом Рональд узнает гораздо позже, когда его жизнь – и его личность – уже разлетятся на куски, как та самая банка с саламандрой, которую он чуть не опрокинул.

Но это уже совсем другая история.

А пока где-то в своей камере над лавкой Судьба довольно потирает руки, предвкушая завтрашний день, она же любит делать сюрпризы...

Глава 1. Пятница 13-е

В которой просыпается принц Рональд, но лучше бы он этого не делал

Утро пятницы, тринадцатого числа месяца туманов, началось для наследного принца Альбионики с осознания трёх неопровержимых фактов.

Факт первый: кто-то выключил солнце и забыл включить обратно. За окном висела та особая альбионская серость, которую местные поэты в своих виршах называли «серебристой дымкой», а все остальные – «опять эта проклятая морось». Морось заполняла собой пространство между небом и землёй, как будто мироздание забыло протереть запотевшее стекло.

Факт второй: во рту у принца кто-то умер. Судя по вкусу – небольшая болотная тварь, предварительно съевшая несвежий сыр. Рональд приоткрыл один глаз, покосился на прикроватный столик и обнаружил там графин. Графин был пуст – что было странно, потому что вчера он был полон. Рядом с графином сиротливо валялась перевернутая рюмка и обсыхала лужица, которую принц по пьяни принял за воду, а на самом деле это был...

– О нет, – прошептал Рональд и принялся.

Из рюмки пахло тем, что его камердинер Грегор называл «особый тонизирующий отвар для бодрости духа», а весь остальной мир – «самогон, от которого слепнут лошади». Судя по тому, что лошадей в спальне не наблюдалось, а зрение Рональда оставляло желать лучшего, отвар свою репутацию подтверждал.

Факт третий, самый неприятный: сегодня турнир. И он, Рональд III, наследный принц Альбионики, любимец двора (ну, по крайней мере, он так считал), гроза драконов (драконы об этом не знали) и обладатель сорока трёх камзолов (сорока четырёх, если считать тот малиновый, который он вчера испортил, пролив на него... что-то), должен на этом турнире победить и сделать это красиво. Так красиво, чтобы прекрасная незнакомка с восточной башни наконец посмотрела на него не как на элемент архитектуры, а как на мужчину.

– Грегор! – прохрипел Рональд в пустоту. Пустота не ответила. – Грегор, чтоб тебя!

Грегор не появлялся. То ли обиделся за вчерашнее, то ли тоже пал жертвой тонизирующего отвара или решил, что хватит с него королевской службы, и ушёл пасти коз в какую-нибудь отдалённую провинцию. Рональд сделал мысленную заметку: «Узнать, есть ли у нас отдалённые провинции, и если да – повесить налоги, чтобы неповадно было».

Он спустил ноги с кровати и тут же наступил во что-то холодное и мокрое.

– А-а-а! – заорал Рональд, имея в виду «какая неожиданная и крайне неприятная сенсорная информация».

Под ногой обнаружился поднос с остатками вчерашнего ужина. Точнее, с тем, что когда-то было ужином, а теперь больше напоминало абстрактную картину «Кошмар гастронома». Фазанья ножка сиротливо торчала из лужи подливки, как памятник ушедшей эпохе. Рядом валялась оплывшая свеча, которую Рональд, видимо, пытался использовать вместо вилки, и пустой графин из-под вина – тот самый, который должен был быть полон, но не был.

– Я вчера напился, – констатировал принц с той особой интонацией, с какой человек сообщает, что вода мокрая. – И по-видимому сильно.

Память услужливо подсунула обрывки вчерашнего вечера. Собрание Малого Королевского Совета – скука смертная. Доклад министра финансов о состоянии казны (не очень). Доклад министра обороны о состоянии границ (тоже не очень). Доклад министра сельского хозяйства о состоянии урожая (очень не очень). Где-то между «неурожаем брюквы» и «повышением пошлины на импорт шерсти» Рональд начал засыпать, а потом пришло внезапное озарение: он же наследный принц! Ему можно! И он приказал подать вина. Потом ещё вина. Потом... ещё и ещё...

– Это было что-то связанное с министром культуры, – пробормотал Рональд, шаря под кроватью в поисках хотя бы одного целого сапога. – Я ему что-то сказал – остроумное или не очень.

Из-под кровати появился левый сапог. Правый обнаружился на книжной полке, водружённый на бюст какого-то древнего философа – судя по выражению каменного лица, философ был крайне недоволен таким соседством.

– Не ворчи, – сказал Рональд бюсту. – Ты мёртв уже триста лет, а я жив и хочу пить. Кто из нас в худшем положении – ещё вопрос.

Бюст философа промолчал, но как-то очень выразительно. Рональд решил, что спорить с камнем ниже его достоинства, и доковылял до умывальника.

Вода в кувшине была ледяной, но после «тонизирующего отвара» это было даже приятно. Рональд посмотрел на своё отражение в медном тазу и пришёл к выводу, что утро определённо не задалось.

Из таза на него смотрел молодой человек двадцати четырёх лет, который выглядел на все сорок. Тёмные волосы – предмет его особой гордости – торчали в разные стороны, как будто он проиграл битву с ветряной мельницей. Серые глаза, обычно томно-загадочные, сейчас напоминали глаза варёной рыбы. Аристократический нос покраснел, а подбородок покрылся щетиной. Аристократическая скула украсилась царапиной неизвестного происхождения – судя по форме, от женской заколки.

– О нет, – сказал Рональд. – Только не это.

Он испуганно обернулся, ожидая увидеть в постели какую-нибудь фрейлину, служанку, а то и, учитывая его состояние, прачку. Постель была пуста. Точнее, в ней валялись три подушки, свёрнутое одеяло, напоминающее кокон, и чей-то чулок. Чулок был женский, шёлковый, с вышивкой в виде маленьких розочек – явно дорогой и не принадлежавший прислуге.

– Так, – сказал Рональд сам себе, начиная трезветь с той скоростью, с какой трезвеют люди, внезапно осознавшие масштаб катастрофы. – Спокойно, возможно, чулок мой. Может быть, я решил начать новую моду. Принцы теперь носят чулки с розочками. Почему нет?

Чулок, впрочем, был явно не его размера и пах духами. И вообще – имел ту особую ауру, которая говорила: «Я принадлежу женщине, и эта женщина где-то рядом».

Рональд заглянул под кровать – никого, за ширму, а затем в шкаф. В шкафу сидел Грегор...

– Грегор! – возмутился Рональд. – Какого дьявола ты сидишь в шкафу?

– Прошу прощения, ваше высочество, – ответил Грегор, выбираясь из шкафа с достоинством человека, который провёл в этом шкафу не меньше трёх часов и успел обдумать все свои жизненные решения. – Я медитировал.

– В шкафу?

– В шкафу темно и никто не задавал глупых вопросов... до этого момента.

Грегор был камердинером Рональда уже десять лет и за это время приобрёл ту особую разновидность невозмутимости, которая вырабатывается только у людей, чья работа – убирать за наследным принцем последствия его бурной жизнедеятельности. Это был сухой, поджарый мужчина неопределённого возраста (от сорока до шестидесяти – точнее не знал даже он сам) с лицом, которое выражало единственную эмоцию: «Я слишком стар для всего этого дерьма». Эмоция эта была настолько универсальной, что умещала в себе всё: и усталость, и преданность, и сарказм, и материнскую заботу, и отцовское разочарование.

– Чей это чулок? – спросил Рональд, размахивая уликой.

Грегор бросил на чулок профессиональный взгляд.

– Её светлости герцогини де Монфокон. Судя по вышивке – из её охотничьего гардероба, осенняя коллекция прошлого года. У герцогини – хороший вкус, а скандал будет знатный.

– Герцогиня?! – Рональд аж побледнел, насколько это было возможно при его похмелье. – Герцогиня замужем! За герцогом! Который...

– Который командует королевской гвардией, – закончил Грегор. – И имеет привычку вызывать на дуэль всех, кто, как он выражается, «слишком пристально смотрит на его жену». А вы, судя по чулку, не просто смотрели.

– Я ничего не помню! – заорал Рональд.

– Это не оправдание, ваше высочество. Герцог – человек дела, а не теории.

Рональд рухнул на кровать, подняв облачко пыли. Пыль была тоже со скандальным прошлым – судя по всему, она участвовала во многих королевских вечеринках.

– Что же теперь делать? – простонал он.

– Для начала одеться, – сказал Грегор. – Герцогиня, судя по отсутствию её самой, покинула помещение до рассвета. Это говорит о хорошем воспитании. Герцог, судя по отсутствию гвардейцев с алебардами, ещё не знает. Это говорит о вашем везении, но везение, ваше высочество, как и моё терпение, не бесконечно.

С этими словами Грегор извлёк из шкафа приготовленный камзол. Сегодняшний был изумрудный, с серебряным шитьём и семьюдесятью восемью пуговицами это был новый рекорд. Рональд посмотрел на него с ужасом.

– Семьдесят восемь? Серьёзно?

– Портной сказал, это последний писк моды, – бесстрастно ответил Грегор. – А также хрип, стон и предсмертная судорога моды. Но вы сами заказывали на прошлой неделе, когда были в похожем состоянии.

– Я всегда в похожем состоянии, – мрачно заметил Рональд. – Это мой образ жизни.

– Я в курсе, ваше высочество. Именно поэтому я держу в шкафу запасной графин с водой, рюмку с отрезвляющим, запасной чулок неизвестного происхождения и план побега в соседнее королевство, на всякий случай.

Рональд влез в камзол с помощью Грегора, который управлялся с пуговицами так ловко, как будто всю жизнь только и делал, что застёгивал нелепые предметы гардероба на нелепых принцах. Впрочем, так оно и было.

– Что там с турниром? – спросил Рональд, пока Грегор боролся с сорок второй пуговицей (она была особенно вредной и пыталась сбежать). – Я кого-нибудь убиваю?

– Надеюсь, что нет, ваше высочество. Это был бы дипломатический скандал. Турнир показательный, в честь визита делегации из Вальдштата. От вас требуется присутствовать, выглядеть величественно и желательно не упасть с коня.

– Я никогда не падаю с коня, – оскорбился Рональд.

– А как же прошлый турнир, ваше высочество: вы аж дважды упали с коня.

– Это не я, это конь упал.

– Конь стоял на месте, ваше высочество.

– Ты чей друг? Мой – или коня!? Ну, значит, земля была неровная, – воскликнул обиженно Рональд.

– Земля была ровная, это вы были неровный после трёх бутылок «тонизирующего отвара».

Рональд предпочёл не продолжать этот спор. Грегор был из тех людей, которые помнят всё – каждую неловкость, промах, каждую рюмку, выпитую не в то время и не в том месте. Жить с таким человеком было всё равно что жить с ходячей совестью, которая к тому же умеет выводить пятна с камзолов.

– Ладно, – сказал Рональд, когда последняя пуговица была застёгнута, а последняя складка разглажена. – Турнир – я побеждаю и прекрасная незнакомка падает в мои объятия. Что может пойти не так?

Грегор посмотрел на него долгим взглядом человека, который слышал эту фразу минимум раз в неделю на протяжении десяти лет, и каждый раз после неё что-то шло не так.

– Ваше высочество, – сказал он наконец, – позвольте дать Вам совет.

– Слушаю.

– Не произносите эту фразу больше никогда. Она притягивает неприятности, как мёд притягивает пчёл. В вашем случае – как бочка мёда притягивает всех пчёл королевства.

Рональд лишь отмахнулся от него, подошёл к зеркалу и остался доволен. Из зеркала на него смотрел уже не помятый страдалец, а наследный принц Альбионики: высокий, темноволо-

сый, сероглазый, с мужественным подбородком и шрамом в виде короны на левой скуле. Шрам, конечно, был дурацкий – последствия пьяного пари с фрейлиной («Слабо выжечь заклинанием?» – «Не слабо!»), – но смотрелся величественно. Как будто он получил его в битве с драконом, а не в битве с собственной глупостью.

– Хорош, – констатировал Рональд. – Даже слишком, и это несправедливо по отношению к остальным мужчинам.

– Несомненно, ваше высочество. Остальные мужчины рыдают в подушку от зависти, но позвольте напомнить: турнир начинается через час, а вы ещё не завтракали.

– Завтрак! – Рональд оживился. – Отличная идея и что у нас на завтрак?

– Фазанья ножка, которая у вас на полу с подливкой.

– А что-нибудь более...

– Съедобное? Я распоряжусь, но сначала, ваше высочество, позвольте полюбопытствовать.

Грегор извлёк из кармана маленький пузырёк с мутной жидкостью. Пузырёк был запечатан сургучом, а на этикетке кривым почерком значилось: «Приворотное зелье. Гарантия 100%. Цена – 10 золотых. Возврату не подлежит».

– Что это? – спросил Грегор таким тоном, каким обычно спрашивают: «Что это за бомба?» или «Что это за ядовитая змея?».

Рональд поморщился.

– Откуда ты это взял?

– Из ящика вашего туалетного столика. Я искал ваши запонки, а нашёл это, ну, и запонки тоже.

– Это... запасной план.

– Запасной план, – повторил Грегор. – У вас есть запасной план, у которого основной план – «как-нибудь само рассосётся».

– Ну, знаешь, – Рональд принял оскорблённый вид, – я могу быть стратегом, когда захочу.

– Вы можете быть стратегом только в одном случае: если стратегия заключается в том, чтобы напиться и забыть о проблеме. Это ваша единственная стратегия, и вы её придерживаетесь с похвальным постоянством. А это, – Грегор встряхнул пузырёк, – это не стратегия, а уголовное дело.

– Ничего подобного! Это обычное приворотное зелье. Купил вчера на рынке у одной очень убедительной старухи. Она сказала, что эффект мгновенный, держится долго, побочки нет.

Грегор поднёс пузырёк к свету. Жидкость внутри была мутная, с какими-то подозрительными хлопьями, которые, кажется, двигались.

– Ваше высочество, – сказал он с той особой терпеливой интонацией, с какой говорят с душевнобольными, – вы купили на рынке, у неизвестной старухи, задёшево, жидкость неизвестного происхождения и планируете это выпить? Или подлить даме? Что из этого?

– Вообще-то, – Рональд замялся, – я планировал выпить сам. Чтобы на турнире, когда я увижу Её... ну, ту самую... чтобы всё прошло идеально. Чтобы она посмотрела на меня и сразу поняла.

– Что поняла?

– Что я тот самый, единственный и неповторимый, её судьба. Вот это всё.

Грегор закрыл глаза, простоял так несколько секунд и опять открыл.

– Ваше высочество, я служу вам десять лет. Я видел, как вы пытались соблазнить посла эльфов, думая, что это эльфийка. Я видел, как вы объявили войну соседнему герцогству из-за того, что герцог не прислал вам открытку на день рождения. Я видел, как вы пытались научить королевского попугая ругательствам, и попугай в итоге научил вас. Но это, – он поставил пузырёк на стол с такой осторожностью, будто это была не раскупоренная склянка, а неразорвав-

шийся снаряд, – это превосходит всё. Вы вообще в курсе, что приворотные зелья запрещены королевским указом, который подписал ваш отец пять лет назад? После того случая с министром финансов и говорящей козой?

– Я думал, это всего лишь рекомендация, – слабо возразил Рональд.

– Это закон, ваше высочество. Уголовный кодекс Альбионики. Статья двести тридцать седьмая, параграф четыре: «Незаконное изготовление, хранение и применение приворотных и иных магических веществ, влияющих на свободу воли». Штраф – пятьсот золотых или полгода тюрьмы. Для рецидивистов – в два раза больше. А вы наследный принц, это будет скандал. Не «герцогиня потеряла чулок» скандал, а «наследный принц – уголовник» скандал.

Рональд задумался, впервые за это утро – а может, и за всю неделю. Пятьсот золотых? Это сколько же камзолов? Если считать по средней цене в пятнадцать золотых за штуку, то... тридцать три камзола. Плюс одна десятая камзола. Он попытался представить одну десятую камзола, не смог и решил, что мысль слишком сложна для его текущего состояния.

– Хорошо, – сказал он. – Я его не буду пить.

Грегор выдохнул, кажется, впервые за всё утро.

– Я просто возьму его с собой, – продолжил Рональд. – На всякий случай. Может и не понадобится, но если понадобится – оно будет при мне. Как запасной план к запасному плану. План В или Г, куда мы там дошли по алфавиту.

– Мы дошли до буквы «Ж», ваше высочество, – мрачно сказал Грегор. – И я подозреваю, что она означает «жди беды».

Завтрак прошёл в обстановке, которую Рональд назвал бы «напряжённой», а Грегор – «обычной». Принц съел всё, что было принесено (холодного фазана, свежий хлеб, сыр, виноград и графин разбавленного вина), и почувствовал себя нормальным человеком. Мысли о герцогине, чулке и возможной дуэли отошли на второй план, вытесненные более насущными мыслями о турнире и прекрасной незнакомке.

Он увидел её впервые три дня назад. Она стояла на балконе восточной башни, как гостья из Вальдштата, прибывшая с делегацией. Белокурая, миниатюрная, с огромными голубыми глазами, она смотрела вдаль так задумчиво и отстранённо, что Рональд влюбился мгновенно. Он не знал её имени и титула, не знал, зачем она смотрит вдаль (на самом деле она изучала чертёж новой катапульты, который был приколот к стене башни, но Рональд этого не заметил – он вообще редко замечал детали, не касающиеся его самого). Но он знал одно: эта женщина будет его.

– Ты веришь в любовь с первого взгляда? – спросил он Грегора, пока тот застёгивал на нём турнирный доспех. Он был парадный, сверкающий, с гравировкой в виде драконов (тех самых, которые не знали, что Рональд – их гроза) и весил примерно как небольшая лошадь.

– Я верю в похмелье с первого стакана, ваше высочество и в неприятности с первой глупости. А любовь... – Грегор затянул ремешок на плече с такой силой, что Рональд охнул. – Любовь – это когда вы готовы застёгивать на человеке семьдесят восемь пуговиц каждое утро и не убить его к вечеру.

– Это ты сейчас о ком?

– О себе, ваше высочество, я вас люблю, как сына. Трудного, непутёвого, сына и именно поэтому я умоляю вас: выбросьте этот пузырьёк.

– Не могу, – признался ему Рональд. – Я, кажется, потерял его.

– Что?!

– Ну, он был в кармане камзола. Потом я переодевался и ты его нашёл, поставил на стол, я его взял...

– Вы его взяли?! – Грегор схватился за сердце. – Когда же вы успели?!

– Я думал, это лекарство от головы! – возмутился Рональд. – Мало ли, вдруг поможет!

– От головы помогает только гильотина, ваше высочество! И то не всегда! Где пузырьёк?!

Рональд похлопал себя по доспеху, что-то звякнуло. Доспех был полон карманов – дизайнер, видимо, считал, что рыцарю на турнире может понадобиться много вещей: носовой платок, расчёска, фляга с вином, запасные пуговицы и, видимо, приворотное зелье.

– Вот он, – сказал Рональд, извлекая пузырьёк из нагрудного кармана. – Цел и невредим.

– Слава богам, – выдохнул Грегор. – Дайте сюда.

– Не дам, это моя страховка.

– Это ваша тюремная камера!

– Это моя свобода выбора! – возразил Рональд. – Если я захочу – выпью. Если не захочу – не выпью. Но сам факт того, что я могу это выпить, делает меня хозяином своей судьбы!

Грегор посмотрел на него тем самым взглядом, которым обычно смотрят на людей, утверждающих, что земля плоская, а драконы – это просто толстые ящерицы с проблемами дыхания.

– Ваше высочество, – сказал он тихо, – вы не хозяин своей судьбы, вы её арендатор и арендная плата просрочена.

Но Рональд его уже не слушал. За окном затрубили трубы. Это был сигнал к началу турнира. Он пристегнул меч (парадный, тупой, но зато с рукояткой, усыпанной самоцветами), поправил шлем (с плюмажем из перьев редкой птицы, которую специально ради этого плюмажа чуть не истребили) и направился к выходу.

– Ваше высочество! – окликнул его Грегор.

Рональд обернулся.

– Что?

– Сегодня пятница, – сказал Грегор. – Тринадцатое.

– И что?

– Ничего, просто... будьте осторожны. Судьба, она... в общем, у неё сегодня рабочий день.

Рональд улыбнулся своей лучшей улыбкой – той самой, которой он покорял сердца (как он думал) и создавал дипломатические инциденты (как думали все остальные).

– Не волнуйся, старина. Что может пойти не так?

И, не дожидаясь ответа – потому что Грегор уже открыл рот, чтобы перечислить примерно четыреста вещей, которые могли пойти не так, – наследный принц Альбионики Рональд III вышел из комнаты и направился навстречу своей судьбе, которая как раз допила облепиховый чай и с интересом разглядывала его в магическом шаре.

– О, – сказала Судьба, – этот экземпляр мне нравится, с ним будет весело.

И налила себе ещё чашечку.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.